

© 1997 г. В.М. ЖИВОВ

ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ СИНТАКСИСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
 (По поводу книги: G. Hüttl-Folter. Syntaktische Studien zur neueren russischen
 Literatursprache. Die frühen Übersetzungen
 aus dem Französischen. Böhlau Verlag, Wien;
 Köln; Weimar, 1996. 319 S.)

Есть области славистики, которые хотя бы на первый взгляд кажутся досконально изученными. Другие, напротив, не изучены настолько, что это бросается в глаза. Исторический синтаксис несомненно принадлежит к числу последних. Те суммирующие работы (например, Т.П. Ломтева или В.И. Борковского), которые определяют общий взгляд на характер исторических процессов, давно и безнадежно устарели – как по методам синтаксического анализа, оставшимся на уровне школьной грамматики, так и по способам обработки и экскерпирования письменных источников, в целом игнорирующим разнородность средневекового узуса. Та проблематика, которая определяет динамику синтаксических исследований в синхронии (лингвистика текста, изучение синтаксиса разговорной речи и т.д.), в историческом синтаксисе остается почти не затронутой. Отдельные работы, появившиеся в последнее время (например, Д.С. Ворта о дательном самостоятельном [Worth 1994] или Н. Бермела о функционировании видовой корреляции [Bergmel 1995]), показывают, в каком направлении может развиваться данная область, но не меняют общей картины. Между тем очевидно, что в истории русского языка общие принципы синтаксического построения текста переживают существенные изменения. Во всяком случае именно такое впечатление складывается из сопоставления разнородных средневековых текстов – будь то книжные (церковнославянские) тексты, организованные по классическим риторическим образцам, или не книжные деловые и бытовые тексты, характеризующиеся ситуационным синтаксисом, – с памятниками русского литературного языка нового типа, от "Езды в остров любви" Третьяковского до произведений Пушкина или Тургенева.

Эти очевидные на первый взгляд отличия, никогда, впрочем, последовательно не проанализированные, подводят к заключению, что между средневековым узусом, представленным разнородными традициями, и узусом XVIII в., достаточно гомогенным и в своих основных чертах существующим по сей день, преемственность отсутствует. Этот тезис в 1970-е годы высказывался и автором рассматриваемой монографии, и А.В. Исаченко, указывавшими, что именно на синтаксическом уровне формирование русского литературного языка нового типа представляет собой разрыв с предшествующими традициями и что именно этот уровень имеет кардинальное значение для определения типа языка. Как писала Г. Хютль-Фольтер, "der Syntax als höchster Ebene im hierarchischen System der Sprache kommt entscheidende Bedeutung bei der Beurteilung zu, ob ein sprachlich stark gemischter Text in der einen oder anderen Sprache abgefasst ist" [Hüttl-Worth 1978: 188]. Основываясь на этом общем положении, исследователь делал вывод, что "[г]лубокие преобразования в области синтаксиса, которые происходили в русском литературном языке с начала и до конца XVIII в., завершившиеся в Новом слоге, убедительно доказывают, на наш взгляд, мнение, что речь идет о новообразовании (т.е. что русский литературный язык XVIII в. представляет собой новообразование – В.Ж.). Иначе говоря, синтаксис нового языка равным образом

отличается от синтаксиса церковнославянского языка и делового" [Хютль-Фольтер 1987: 9].

Ряд примеров, приведшихся при обсуждении этого вопроса, был весьма выразителен и прекрасно иллюстрировал общий тезис. Так, например, А.В. Исаченко полемизировал с Е.Т. Черкасовой, утверждавшей, что "синтаксический строй русского языка [...] изначально развивался по собственному пути" [Черкасова 1972: 81] (Черкасова в свой черед полемизировала с Б.О. Унбегауном) и в качестве доказательства рассматривавшей средства союзного подчинения. Если Черкасова заявляла, что эти средства сложились "в недрах живой народной речи" [там же: 78], то Исаченко резонно замечал, что "eine ansehnliche Zahl russischer Konjunktionen keineswegs als Schöpfungen der russischen Kanzleisprache, sondern als Lehnprägungen aus dem Französischen, Deutschen oder Polnischen zu erklären sind" [Issatschenko 1974: 270]. В частности, например, союз *благодаря тому что* появляется именно как калька французского *grâce à* или нем. *dank* (с дативом), о чем и свидетельствует дативное управление, при том что глагол *благодарить* управляет вин. падежом [Issatschenko 1974: 270]. Отсюда делался вывод, что разрыв в преемственности был обусловлен ориентацией на синтаксис новых европейских языков (французского и немецкого), откуда и был усвоен новый принцип синтаксического построения. "Es ist wohlbekannt, – утверждает Г. Хютль-Фольтер, – dass der kirchenslavische Anteil auf den Gebeit der Syntax im Laufe des 18. Jahrhunderts durch lateinische und westeuropäische Vorbilder abgelöst wurde, wobei des Französische den umfassendsten und nachhaltigsten Einfluss auf die neuere russische Schriftsprache ausübte" [Hüttl-Worth 1978: 189].

Сколь бы "хорошо известен" ни был данный тезис, понятно, что для доказательства его нескольких примеров недостаточно. Как замечает сама Г. Хютль-Фольтер, "[s]ämtliche Einzelheiten dieses Prozesses harren noch einen genauen Untersuchung" [Hüttl-Worth 1978: 189]. И дело даже не в деталях. Нужно глобальное сопоставление синтаксических характеристик средневековых текстов (прежде всего текстов XVII в.) с текстами, появившимися в период формирования русского литературного языка нового типа (в петровскую и послепетровскую эпоху), а этих последних, в свою очередь, с текстами более поздними, когда норму нового литературного языка можно считать стабилизировавшейся (последнее сопоставление необходимо для того, чтобы установить, какие черты, появившиеся в период формирования, сделались для нового литературного языка конститутивными). Только в рамках подобного исследования можно определить, насколько существенно сказалось влияние новых западноевропейских языков, в какой мере оно вступало в противоречие с преемственностью традиционных лингвистических навыков и до какой степени (и в чем именно) эта преемственность все же имела место – хотя бы в силу того факта, что русские, несмотря на все усилия Петра, остались русскими и не превратились в немцев или французов.

В контексте этих общих задач Г. Хютль-Фольтер и предприняла то монументальное исследование, результаты которого излагаются в рецензируемой монографии. Для исследования были избраны два важнейших аспекта синтаксического устройства русского литературного языка нового типа – сложноподчиненное предложение и деепричастные конструкции. Материалом послужили три пространных текста первой половины XVIII в., т.е. времени начального формирования русского литературного языка нового типа. Все три текста представляют собой переводы с французского, и в этом смысле идеально подходят для решения поставленной задачи – выяснить, как французские синтаксические построения проецировались на русский материал. Избранные три текста – это "Разсуждение о оказательствах к миру. И о важности чтоб оставить Гибралтар, соединен со владениями Великобритани. Выданное в лондоне, и переведено с французского языка на российскую" (СПб., 1720 – переводчик неизвестен, французский оригинал не установлен), "Разговоры о множестве миров господина Фонтенелла парижской Академии наук секретаря. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году"

(СПб., 1740 – перевод А. Кантемира), "Военное состояние Оттоманския империя с ея приращением и упадком. Сочинено чрез графа де Марсильи" (СПб., 1737, ч. 1, 2 – перевод В.К. Тредиаковского). Избранные тексты в самом деле представляют собой характерные образцы русского литературного языка нового типа на стадии его формирования, обособления от старого книжного языка и начальной нормализации; они создают для исследователя прекрасные возможности еще и потому, что переводной текст сопровождается в них оригинальным (в предисловиях и примечаниях), что позволяет увидеть, как синтаксические построения, соотнесенные с французскими оригиналами, реализуются в собственной языковой практике переводчиков, или, иными словами, что остается лишь калькой переводного текста, а что оказывается чертой нового литературного языка как такового.

Двум аспектам исследования соответствует две части монографии: первая часть посвящена сложноподчиненному предложению, вторая – деепричастным конструкциям. Две части отличаются способом изложения материала. В первой части материал распределен по типам сложноподчиненных предложений, для каждого типа приводятся данные по трем исследованным памятникам, сопоставляются статистические характеристики, рассматривается, в какой степени перевод отклоняется от оригинала в трактовке данного типа предложения. Во второй части, имеющей дело с деепричастными конструкциями, изложение ведется по памятникам; для каждого из трех текстов приводятся полные данные об употреблении деепричастных оборотов, их типах и их соответствии различным конструкциям французских оригиналов; сопоставление данных по трем текстам позволяет сделать общие выводы.

Начнем с первой части. Здесь, как уже сказано, последовательно анализируются типы сложноподчиненных предложений. В отдельных параграфах рассматривается относительное подчинение, придаточные изъяннительные, временные, условные, уступительные, придаточные следствия (*Konsekutivsätze*), причины (*Kausalsätze*), цели (*Finalsätze*), придаточные образа действия (сравнительные, степени и способа действия, общие), ограничительные (*Restriktivsätze*), противопоставительные (*Adversativsätze*), придаточные места. Для каждого из типов указывается общая частота употребления, а также соотношение предложений данного типа, повторяющих предложения того же типа во французском оригинале, и предложений, имеющих гетерогенное французское соответствие. Рассматриваются подчинительные союзы и союзные слова, используемые для каждого из типов подчинительной связи, и именно они служат теми рубриками, по которым организовано изложение в данных параграфах. Специально отмечается позиция придаточного предложения (в препозиции, постпозиции или внутри главного) и соответствие между постановкой придаточного в переводе и эквивалентной ему конструкции в оригинале.

Так, например, в параграфе, посвященном придаточным относительным, автор начинает с анализа придаточных с союзом *который*. Сначала рассматриваются придаточные с *который* без антицедента в главном предложении. Таких в исследуемых текстах оказывается: в "Рассуждении" 82 (65 в переводной, 17 в оригинальной части), в "Разговорах" 588 (494 в переводной, 84 в оригинальной части), в первой части "Военного состояния" 893 (879 в переводной, 14 в оригинальной части). Г. Хюльфельтер отмечает, что в последних двух текстах (для них известен французский оригинал) рассматриваемые относительные придаточные по большей части воспроизводят аналогичные придаточные французского оригинала (с союзами *qui* и *que*, а также *dont*, *duquel*, *lequel*, *où*); в "Разговорах" подобное воспроизведение покрывает 449 предложений из 494 (т.е. 91%), в "Военном состоянии" 744 из 879 (т.е. 85%). Релятивные придаточные с *который* оказываются, таким образом, прочно укоренены в синтаксической организации анализируемых текстов, о чем свидетельствует и использование их для передачи иных конструкций французских оригиналов: Кантемир пользуется ими для перевода приименного родительного и инфинитивных конструкций, Тредиаковский, прибегая к этому средству чаще, чем Кантемир, употребляет их в качестве соответствия для причастных конструкций (52 случая), самостоятельных

предложений (21 случай), различных атрибутивных конструкций (47 случаев), придаточных другого типа и инфинитивных конструкций (8 случаев).

Широкое использование в переводах относительных придаточных в соответствии с относительными придаточными французских оригиналов позволяет исследователю сделать вывод, что именно синтаксическая организация этих последних обуславливает употребительность придаточных с *который* в анализируемых русских текстах. При этом «позиция придаточных с *который* в переводах практически всегда совпадает с их позицией в оригиналах. В "Разговорах" (651 пример) придаточные с *который* употреблены в препозиции 3 раза, в интерпозиции 131 раз и в постпозиции 517 раз, при этом лишь в 7 случаях перевод отклоняется от оригинала. В "Военном состоянии" из 1105 относительных придаточных с *который* 160 находятся в интерпозиции, 944 в постпозиции и одно в препозиции. Лишь в одном случае позиция в переводе не совпадает с позицией в оригинале» (с. 38–39). Влияние французского синтаксиса сказывается и в прямых синтаксических галлицизмах. К их числу автор относит цепочки из придаточных с *который*, связанных сочинительными союзами типа (пример из "Разговоров") "Такие они люди, *которым* смех неизвестное дело, *которым* надобно целый день, чтоб отвечать на самое маленшее предложение, и *которым* Катон Утицкой показался бы чрез меру шутив и непостоянен" (во французском та же структура: "...qui ne savent... qui prennent... et qui eussent trouvé"). Другим галлицизмом является соединение с помощью сочинительного союза придаточного с *который* и определения, например (пример из "Военного состояния"): "Сие делает *очень знатную сумму*, и *которую* нельзя счислить" ("...ce qui monte, à une somme très considérable, et qu'on ne peut calculer"). На основании этих данных автор приходит к общему выводу: "Французский язык оказал сильнейшее влияние на выбор определенных моделей относительных придаточных, которые сделались наиболее употребительными конструкциями в новом литературном русском языке и остаются таковыми по сей день" (с. 39).

Это общее заключение, видимо, справедливо, однако, на наш взгляд, оно требует определенных уточнений. Уточнить следует, что именно было инновацией и какие именно инновативные черты обусловлены французским влиянием. Автор вводит в научный оборот обширный корпус данных, относящийся к первой половине XVIII в., однако оценить новизну проанализированных синтаксических конструкций можно лишь на фоне аналогичных данных для более ранних периодов (прежде всего XVII в.), а такими данными мы, к сожалению, не располагаем. Поэтому опираться приходится на случайные и не всегда достоверные выводы, не дающие надежной основы для реконструкции процесса синтаксического развития в целом. Г. Хютль-Фольтер ссылается, например, на заключения М.Н. Вьюковой из давней и устаревшей работы, в которой утверждалось, что в XVII в. "не было единой модели построения конструкций с зависимым определительным предложением", тогда как в XVIII в. такая модель появилась [Вьюкова 1957: 106]. В текстах XVII в. единообразия, действительно, нет, поскольку узус распадается на ряд относительно автономных письменных традиций (ср. [Живов 1996: 31–52]), однако из этого вовсе не следует, что модели, получившие преимущественное распространение в XVIII в., не были представлены в этих письменных традициях.

Г. Хютль-Фольтер указывает, что от ряда старых конструкций в анализируемых памятниках сохраняются лишь единичные следы, имея в виду как относительные предложения с союзами *иже*, *яже*, *еже* (несколько раз встречающиеся только в наиболее раннем "Разсуждении"), так и придаточные предложения, где при союзе *который* повторяется определяемое существительное главного предложения (с. 35). Вместе с тем отмечается, что относительные предложения с *который* и коррелятом в главной части, широко представленные в рассматриваемых текстах, существенно увеличивают свою частоту сравнительно с текстами XVII в. Например, у Котошихина построения с *тот – который* встречаются лишь 9 раз, тогда как в анализируемых переводах примеры исчисляются десятками (с. 44). Такие факты и в самом деле

создают впечатление перелома в развитии, при котором массивные инновации не могут быть объяснены как внутренняя эволюция и побуждают искать внешние образцы.

Перелом, видимо, и в самом деле имел место, и внешние образцы сыграли в нем определенную роль, однако вряд ли при этом стоит преуменьшать значение преемственности. Относительные союзы *иже*, *яже*, *еже* действительно перестают употребляться в текстах XVIII в., и их место занимает союз *который*, однако это по существу лексическая замена, не меняющая сама по себе синтаксического построения. При этом нет никаких оснований думать, что в данном изменении как-либо сказалось французское влияние. В деловых и бытовых текстах XVII в., которые чаще всего служили материалом для синтаксических наблюдений, построения с союзами *иже*, *яже*, *еже* практически отсутствуют, такие построения характерны для книжных текстов, в частности текстов нарративных и описательных, к которым ближе всего примыкают анализируемые переводы в литературном (риторическом) отношении. Эти тексты почти не исследовались, однако выборочные наблюдения показывают, что придаточные относительные с данными союзами достаточно в них единообразны, многочисленны и сходны по своему построению с теми предложениями с *который*, которые характерны для современного русского литературного языка.

Так, в первой части "Скифской истории" Андрея Лызлова [Лызлов 1990], сочинении не переводном, а оригинальном, написанном в 1692 г. на обычном книжном языке того времени (гибридном церковнославянском), я насчитал 65 относительных придаточных полной структуры с *иже* (в различных формах) и *идеже*, еще четыре придаточных с *иже* и нулевым сказуемым (типа "до пределов хийских, иже со Индию") и четыре относительных придаточных с *который* (не отличающихся по своему строению от аналогичных придаточных современного языка). Первая часть занимает всего 14 печатных страниц, так что плотность употребления относительных придаточных вполне сравнима с той, которая наблюдается в переводных текстах XVIII в., ср. типичный период: "От сих убо татар монгаилов изъидоша *сии* татарове, *иже* суть к нам, савроматом, пришельцы, *их же* называем крымския, монконския, перекопския, белгородские, очаковские, и *все те* народы, *иже* обитают около езера Палюсмеотис, то есть Азовскаго моря" [Лызлов 1990: 13]. Если заменить *иже* на *которые*, *их же* на *которых* и т.д., мы получим вполне обычные для литературного языка нового типа фразы, так что ничто не мешает видеть в подобных текстах (наряду с текстами французскими) прецедент той синтаксической организации нарратива, которая наблюдается в переводных памятниках XVIII в. О преемственности может, как кажется, свидетельствовать такая частная деталь, как позиция относительного местоимения, указывающего на принадлежность. В текстах первой половины XVIII в. (в отличие от современного языка) относительное местоимение ставится в большинстве случаев в начале придаточного, ср. пример из "Разговоров" Кантемира: "Меркурии [...] близок к Солнцу, *в котораго лучах* почти всегда скрыт живет" ("*dans les rayons duquel*") (рассматриваемая монография, с. 49); характерность этой позиции никак не может быть обусловлена французским подтекстом, зато легко объясняется как воспроизведение порядка слов в придаточных с союзами *егоже*, *еяже*, *ихже*, практически всегда занимающими начальную позицию, ср. у Лызлова: "половцы, *чрез их же* землю бегоша" [Лызлов 1990: 16].

Не менее показательно, что в книжных текстах XVII в. почти никогда не встречаются придаточные предложения, где при союзе *который* повторяется определяемое существительное главного предложения. Редкие употребления этого рода Г. Хютль-Фольтер отмечает в исследуемых ею текстах. В "Разсуждении" встречается пять таких конструкций, в "Разговорах" одна, ср. пример последней: "Нынешние Паписты говорят, что город Рим Папе Силвестру от Костантина великаго Греческаго Императора *жалованною грамотою* в вечное владение отдан, *которои грамоты* однакож нигде неможно показать..." (с. 55). Для приказного языка XVI–XVII в. такая конструк-

ция была стандартной, что, видимо, связано со спецификой делового документа: повторение в придаточном определяемого слова (или его производного) делает эксплицитной смысловую связь двух утверждений (так же как, скажем, деиктические прилагательные типа *aforementioned* в английском деловом языке), тогда как релятивизатор (*который*) обеспечивает связь формальную (отсюда понятно, почему употребление релятивизатора в приказном языке оказывается факультативным). Для других письменных традиций XVII в., в частности для книжных нарративных текстов (летописей, житий и т.д.), подобное построение нехарактерно и появляется лишь в виде единичных вкраплений, т.е. в точности таким же образом, как в рассматриваемых переводных текстах первой половины XVIII в. И в этом плане также можно говорить не только о влиянии французской синтаксической организации, но и о преемственности по отношению к старой книжной традиции¹.

Я позволил себе это пространное отступление об относительном подчинении, поскольку на данном примере отчетливо видны те проблемы, с которыми сталкивается исторический синтаксис русского литературного языка XVIII в. в силу недостаточной изученности синтаксиса различных письменных традиций предшествующего столетия. Эти проблемы возникают, естественно, не только с относительным подчинением, но практически и со всеми другими темами, рассматриваемыми в монографии, и к этому мы еще обратимся ниже. Вернусь теперь к изложению книги Г. Хютль-Фольтер, к тому параграфу о придаточных определительных, резюмирование которого было начато выше.

Проанализировав придаточные с *который* без антицедента в главном предложении, Г. Хютль-Фольтер переходит к анализу придаточных с антицедентом, рассматривая конструкции с антицедентами *сей, такой, оный, тот* и т.д. И для этих конструкций приводятся статистические данные по трем исследуемым памятникам. Специальное внимание уделено различию ограничительных и распространительно-повествовательных относительных предложений (с. 45–48). Оба типа достаточно широко, хотя и в неодинаковой пропорции представлены в анализируемых переводах. Г. Хютль-Фольтер приводит мнение В.И. Троицкого [Троицкий 1968: 155], согласно которому оба типа известны в памятниках XVI–XVII вв., однако второй встречается лишь в редких случаях. Г. Хютль-Фольтер справедливо замечает, что этот вывод связан с тем, что В.И. Троицкий исследовал преимущественно деловые тексты, в которых подобным предложениям просто нет места, тогда как в книжных текстах XVII в. (в качестве примера указано на "Географию" Ортелия в переводе 1670 г., исследованную П. Костой [Kosta 1982]) они отнюдь редкостью не являются. И здесь, таким образом, французский субстрат (в данном случае несомненный, поскольку тип семантической связи в переводах воспроизводит соответствующие параметры оригиналов) идет рука об руку с наследием старой книжной традиции.

Далее разбираются придаточные определительные, в которых относительное местоимение стоит в родительном принадлежности (с. 48–53); о них я упоминал выше. Выше упоминались и конструкции, которые анализируются в следующем разделе, – "устаревшие конструкции с *иже* и *который*" (с. 53–56). Отдельные разделы посвя-

¹Надо, впрочем, отметить, что в отдельных литературных текстах первой половины XVIII в. построения, характерные для приказного языка, встречаются относительно часто. Так обстоит дело, например, в известной "Истории о российском матросе Василии Кориотском", ср. здесь: "...и просил его, чтоб он во Францию сходил с товарами..., по которому прошению он Василий не ослушался одного гостя"; или с репозицией придаточного: "И на котором корабле был Василий, и оный корабль волнами разбит". Для данного периода степень использования подобных конструкций может, видимо, служить индикатором социальной среды, в которой возникает и бытует тот или иной текст. Тексты, появляющиеся в рамках элитарной европеизированной культуры, лишь в малой степени затронуты субстратом приказной традиции и очень скоро от этого субстрата избавляются (показательно, что уже в "Военном состоянии" 1737 г. подобные построения отсутствуют). В какой мере это ограниченное использование связано с ориентацией на европейские образцы, а в какой – с преемственностью по отношению к старой книжной традиции, требует дальнейшего исследования.

щены "малоупотребительным относительным предложениям" с союзом *кой* (с. 56–57) и релятивным конструкциям, относящимся к главному предложению в целом (*freie Relativsätze*) и использующим союзы *еже* и *что* (с. 57–59). Отсюда делается естественный переход к другим относительным предложениям с союзом *что* (с. 59–61), а затем рассматриваются предложения с союзами *кто*, *чей*, *каков*, *каковой*, *какой*, *коликий*, *где*, *куда*, *откуда*, *когда* и *как*. Завершается параграф сводными статистическими таблицами для каждого из памятников, в которых для каждого из типов союзной связи указывается число примеров в переводной и непереводной части памятника, а также, для каждой из частей, число примеров с препозицией, интерпозицией и постпозицией придаточного.

Аналогичным образом построены и другие параграфы, трактующие различные виды придаточных предложений. С той же тщательностью обследуется материал, столь же последовательно проводится сопоставление с французскими оригиналами, так же подробно приводятся статистические данные. Понятно, что объем материала по разным видам придаточных предложений различен, поэтому одни параграфы пространны, а другие занимают всего несколько страниц, однако во всех случаях читатель получает адекватную картину, поскольку она может быть воссоздана из анализируемых текстов. Рамки статьи не позволяют хотя бы и вкратце пересказать содержание всех параграфов, поэтому в качестве компромисса я остановлюсь лишь на еще одном, посвященном придаточным образа и способа действия.

Г. Хютль-Фольтер начинает изложение с указания, что наиболее распространенным типом данного придаточного является конструкция *так – что*, известная в украинских (югозападнорусских) текстах XVI–XVII вв. и отсюда, видимо, проникшая в Московскую Русь; в любом случае она восходит к польской конструкции *tak – że*. Данное построение реализуется в трех вариантах, все они представлены в русском литературном языке нового типа с начальных этапов его формирования. В первом *так* определяет качественное наречие или прилагательное, во втором – предикат главного предложения, а в третьем, представленном только в "Военном состоянии", относится ко всему главному предложению. Конструкция употребляется в соответствии с франц. *si* + прилагательное/наречие – *que*, а также *de sorte que*, *ensorte que* и т.д. Разобрав данную конструкцию (с. 191–193), автор указывает, что в качестве варианта *так* может выступать *такой*, *толикий*, *таким образом*, *таков* и сообщает статистические данные об употреблении этих коррелятов. Особое внимание уделено обороту *столько* (*столь*, *столький*, *толикий*) – *что*; ссылаясь на Н.А. Широкову, Г. Хютль-Фольтер утверждает, что в древнерусском этот оборот употреблялся "только при выражении соответствия по количеству" [Широкова 1966: 98]; в новом литературном языке он применяется и для сопоставления по степени признака ("колодези [...] *столько велики, что можно чрез трубку их усмотреть*" из "Разговоров" – с. 195 рассматриваемой монографии); Широкова датирует эту инновацию второй половиной XVIII в., обсуждаемое исследование позволяет передатировать ее на полвека раньше. Г. Хютль-Фольтер указывает, что построения с *столько*, *столь*, *столький*, нередкие у Кантемира, отсутствуют у Тредиаковского, который употребляет в аналогичных случаях построения с *толь* (с. 196), и здесь вновь не вполне ясным оказывается, где речь идет о синтаксических функциях, а где о лексических (и стилистических) вариантах союзных средств.

В следующем разделе разбираются придаточные образа действия с союзом *чтобы* и антицедентом в главном предложении; автор отличает такие придаточные от придаточных цели: в предложениях первого типа имеется в виду не цель, но степень признака, обуславливающая ситуацию, описываемую в придаточном, ср. из "Разсуждения": "и оные еще *такое худое мнение* о знании и искусстве нашем [...] *не имеют, чтоб* они дерзнули учинить нам такое недостойное предложение". По мнению автора, распространение таких конструкций, известных, кажется, и ранее, происходит под

французским влиянием, которое и мотивирует вытеснение в данной функции союза *что* союзом *чтоб*. Как показывают "Разговоры", французским подтекстом оказывается здесь конструкция "*pour* + инфинитив", а также обороты с *si* или *tant*, за которыми следует инфинитив с *de* или *de que*. Наблюдения этого рода приводят автора к выводу, что развитие данного типа предложений в русском литературном языке нового типа обнаруживает существенное французское влияние. При этом "изменения, которые в специальной литературе, не упоминающей о внешних импульсах, датировались второй половиной XVIII в., оказываются представленными с 1730-х годов в первых же крупных переводах с французского" (с. 206).

Следует вообще отметить, что исчерпывающее исследование трех значимых для истории русского литературного языка текстов позволило автору передатировать целый ряд инноваций, и это еще раз обращает нас к тому факту, что только подобного рода сплошной анализ важнейших в лингвистической перспективе текстов (а не наблюдения, сделанные над случайными выборками из картотек и отдельных примеров) может сформировать основу для построения реального исторического синтаксиса. Сверх отмеченной выше коррекции, Г. Хютль-Фольтер передатирует также придаточные цели, соединенные сочинительной связью с предложной конструкцией типа "надлежало бы нам употребить все возможные меры, для умножения морских наших сил, и да бы держать в узде тех..." ("Разсуждение"); как показывают примеры из трех проанализированных текстов, такие построения появляются уже в начале XVIII в. (с. 177–178), тогда как И.И. Ковтунова [Ковтунова 1964: 427] указывала на распространение подобных конструкций (под французским влиянием) лишь в начале XIX в. Аналогичным образом, придаточные ограничительные с конструкцией *не что иное, как*, которые, по данным Н.А. Широковой, "отмечаются со второй половины XVIII в." (примеры из Фонвизина и Карамзина) [Широкова 1966: 38], Г. Хютль-Фольтер находит уже в исследованных ею памятниках, ср. в "Военном состоянии": "Язык франкской нечто иное, как испорченный Италианской..."; этот оборот употребляется в соответствии с франц. *n'est autre chose que*; впрочем, Г. Хютль-Фольтер резонно полагает, что источником может быть и нем. *ist nichts anders als* (с. 216). Надо, однако, отметить, что все эти находки, сколь бы важны они ни были сами по себе, не дают окончательной хронологии, поскольку для предшествующих XVIII в. периодов адекватно обработанный материал отсутствует – исследование Г. Хютль-Фольтер задает такой стандарт синтаксического описания текста, которому соответствуют лишь очень немногие работы, посвященные текстам более ранним, и отсутствие сопоставимых данных для других хронологических слоев накладывает существенные ограничения на возможные выводы общего характера.

Вторая часть работы, в три раза меньшая первой, посвящена деепричастным конструкциям и организована по иному принципу, нежели первая. Поскольку материал относительно однороден, каждый из анализируемых памятников рассматривается особо: трем текстам посвящены три отдельные параграфа. Для каждого памятника выясняется, как и в каком количестве употребляются (а) деепричастия наст. времени несов. вида на *-я(-а)*, *-учи(-ючи)*, (б) деепричастия прош. времени сов. вида на *-в*, *-вши*, *-ши*, (в) деепричастия сов. вида на *-в*, *-вши*, *-ши*, (г) деепричастия сов. вида на *-я(-а)*; отдельно рассматриваются деепричастия-связки *будучи* и *быв(ши)*. Различаются обособленные и необособленные деепричастия (деепричастные обороты), хотя именно в данном случае не только критерии различения оказываются не слишком четкими (на что обращает внимание и сам автор – с. 238–239), но и цель различения не вполне ясной. В нормативных описаниях современного русского языка это различие возникает в связи с требованиями пунктуации, в значительной степени искусственно и никак не соотносится однозначно с семантическими или дискурсивными оппозициями (в глубинной семантической репрезентации и обособленные деепричастные обороты, и существенная часть необособленных являются отдельными предикативными компонентами); понятно в этой ситуации, что при отсутствии нормализованной пунктуации в

русской письменности XVIII в. и при неочевидности различия для языкового сознания, оно непосредственно никак в употреблении не обнаруживается и потому вряд ли заслуживает особого анализа.

Учитывается также позиция деепричастного оборота (препозиция, интерпозиция или постпозиция во фразе), рассматриваются французские соответствия, выявляются семантические характеристики деепричастных оборотов (прежде всего одновременность/неодновременность действий или состояний, обозначенных деепричастием и основным предикатом). Отдельно отмечаются деепричастные обороты с субъектом, отличающимся от субъекта основного предложения, причем различаются абсолютные деепричастные обороты и обороты с "непрямой кореференцией" – понятие введено Г. Раппартом и обозначает такое построение, когда субъекты основного предложения и деепричастного оборота хотя и не совпадают, однако один субъект косвенно отсылает к другому [Rappaport 1984: 46], ср. пример из "Разговоров" "Не будучи *мое намерение* сочинить пустую и безосновательную Систему, употребил я истинныя фисическия разсуждения" (рассматриваемая монография, с. 258) – *мое намерение* и я связаны кореферентной связью. Обобщающие наблюдения содержатся в параграфе, посвященном "Разговорам" Кантемира.

Для "Разговоров" Кантемира характерны следующие черты в употреблении деепричастий. Во-первых, деепричастия употребляются очень широко. В тексте в целом деепричастные обороты встречаются 229 раз, при этом в переводном тексте 201 раз. Менее чем в трети случаев (62 из 201) деепричастные обороты перевода повторяют деепричастные обороты оригинала, в 139 случаях они употреблены в соответствии с иными конструкциями французского источника (прежде всего в соответствии с инфинитивными конструкциями, для которых прямое соответствие в русском синтаксисе отсутствует). Во-вторых, наиболее широко представлены деепричастия наст. времени (147 из 201 примера), причем в основном это деепричастия на *-я(-а)*, тогда как деепричастия на *-учи(-ючи)* встречаются – если исключить *будучи* – всего 5 раз; выбор данной формы (деепричастия наст. времени), как справедливо замечает автор, не может быть обусловлен французским оригиналом, так как во французском имеется лишь одна форма герундива. В-третьих, широкое распространение в переводном тексте получают конструкции с *будучи* (44 примера) (с. 235); последнее обстоятельство связано у Кантемира, как предполагает Г. Хютль-Фольтер, с дефектностью презентной парадигмы глагола *быть*: эта связь выражается, в частности, в том, что в 16 случаях *будучи* соответствует личным презентным формам *être*, т.е. как бы восполняет нулевую связку (с. 253). Во всех перечисленных аспектах узус "Военного состояния" совпадает в целом с узусом "Разговоров"; от последнего не отличается радикальным образом и узус, наблюдающийся в "Разсуждении" (материал которого относительно невелик, что ограничивает возможности содержательного анализа). В этом плане употребление деепричастных конструкций в "Разговорах" можно считать репрезентативным для анализируемого типа текстов, и это оправдывает изложение основных результатов исследования деепричастных конструкций в параграфе, посвященном данному памятнику.

Возникает вопрос, касающийся и относительно сложноподчиненных предложений, какие именно факторы обуславливают наблюдаемое употребление деепричастных конструкций, в какой степени оно определяется французским оригиналом, а в какой степени продолжает местные традиции; важно, естественно, и то, какие именно традиции находят продолжение в русском литературном языке нового типа вообще и в памятниках анализируемого типа в частности. Г. Хютль-Фольтер указывает, что позиция деепричастной конструкции в предложении практически полностью определяется французским оригиналом (позицией герундивных конструкций во французском тексте или позицией тех конструкций, например, инфинитивных, на место которых русские авторы подставляют деепричастные обороты) (с. 234). Комментируя позицию конструкций с деепричастиями сов. вида, Г. Хютль-Фольтер приходит к заключению,

что "контуры французского периода" сохраняются в русском тексте, несмотря на то что деепричастные обороты могут замещать конструкции иного типа (с. 262). Этот вывод сомнений не вызывает, однако его значимость для процессов формирования русского литературного языка нового типа остается неясной. То, что общее изменение дискурсивных моделей произошло, представляется правдоподобным, хотя структура периода в книжных текстах XVII в. остается неизученной и в силу этого сравнивать не с чем². Сказалось ли это на характере употребления деепричастных оборотов и, в частности, на их позиции во фразе, установить сложнее.

Сам по себе тот факт, что в двух третях случаев деепричастные обороты употребляются вне соответствия с герундивными конструкциями французских оригиналов, показывает, что это употребление стимулировано не процессом перевода, а традиционными лингвистическими навыками переводчиков. Можно полагать, что ориентировались они на ту самую книжную традицию, о которой мы уже говорили выше, – на книжные повествовательные тексты, написанные на модернизированном (гибридном) церковнославянском. Косвенно на это указывает тот факт, что презентные деепричастия употребляются в основном в форме на -я(-а), тогда как деепричастия на -ючи(-ючи), за исключением *будучи*, появляются относительно редко; именно так обстоит дело и в гибридных церковнославянских текстах, тогда как в деловых и бытовых текстах XVII в. пропорции данных форм имеют совершенно иной вид. Об этом говорит и сама Г. Хютль-Фольтер, замечая, что в "позднем (упрощенном) церковнославянском *будучи* выступает с теми же функциями и значениями, что и у Кантемира" (с. 245) и приводя в качестве примера перевод Псалтыри, сделанный в 1683 г. Авраамием Фирсовым.

В рамках такой преемственности может интерпретироваться и употребление деепричастных оборотов с субъектом, отличающимся от субъекта основного предложения. Ряд таких оборотов обусловлен, конечно, французским оригиналом и, можно думать, входит в русский литературный язык именно под французским влиянием. Имею в виду обороты типа *не считая, не исключая, не касаясь*, которые, однако же, как справедливо отмечает Г. Хютль-Фольтер, передают не французский герундив, а инфинитивные конструкции типа *sans compter, sans excepter, sans toucher*. Такие обороты представлены в "Военном состоянии" Тредиаковского (с. 287) как соответствия указанным французским выражениям и в дальнейшем укореняются в русском литературном языке.

Французский оригинал безусловно не мог повлиять на появление предложений, в которых деепричастие является единственным предикатом. Два таких примера имеются в "Разговорах о множестве миров", и Г. Хютль-Фольтер полагает, что ко времени Кантемира подобные построения были устаревшими (с. 267). Нет оснований думать, что такие конструкции когда-либо были широко распространены или являлись нормативными для какой бы то ни было письменной традиции, однако в гибридных церковнославянских текстах они встречаются – в тем большем количестве, чем далее отстает текст от стандартного церковнославянского (ср. довольно многочисленные примеры из Мазуринской летописи конца XVII в. – [Живов 1995: 57–58]). Как реликт подобного употребления следует, видимо, толковать и примеры из "Разговоров". Показательно, что в "Военном состоянии" таких примеров нет (с. 302), что естественно связать с более высокой грамматической образованностью Тредиаковского, не допускавшего подобных ляпсусов.

²Несомненно, что структура периода в новом литературном языке радикально отличалась от той, которая была характерна для деловых текстов XVII в. Подобное же различие устанавливается и между деловыми текстами XVIII в. и аналогичными текстами предшествующего столетия, устанавливается по мере того, как деловые тексты начинают составляться на новом литературном языке. Это, однако, лишь побочный и вполне ожидаемый эффект процессов формирования нового литературного языка, не связанного отношениями преемственности с приказным языком XVII в., и функциональной экспансии этого нового литературного языка, претендующего на универсальность (ср. [Живов 1996: 110–124]).

Что же касается абсолютных деепричастных конструкций, которые встречаются и в "Рассуждении", и у Кантемира, и у Тредиаковского, то субстратом для них может служить и французский язык (абсолютные герундивные конструкции), и гибридная традиция. Можно думать, что французский субстрат способствовал употреблению таких конструкций, при том что прецедент имелся в русской письменной традиции (впрочем, и в средневековых текстах, и в новом литературном языке не как нормативное явление) и актуализовался за счет французских стимулов. Характерно, что такие обороты появляются у Кантемира и Тредиаковского в основном вне соответствия с французскими абсолютными герундивными конструкциями, имеются они и в оригинальном тексте, ср. в примечаниях Кантемира: "*Вошедши дверьми к передней стене, зделан феатр, или место, на котором изображатели представляют свои действия*" (рассматриваемая монография, с. 270). Таким образом и здесь, как и в синтаксисе сложноподчиненного предложения, происходит сложный синтез книжных традиций предшествующей эпохи с внешними влияниями, и именно из этого синтеза образуется русский литературный язык нового типа³.

Как уже говорилось, проблему того, что в литературном языке нового типа и в какой степени восходит к каждому из составляющих этого синтеза, решить в настоящее время достаточно сложно, и книга Г. Хютль-Фольтер никаких окончательных ответов не дает. Зато она отчетливо показывает, что ситуация здесь значительно сложнее, чем представлялось А.В. Исаченко и автору рассматриваемой монографии в 1970-е годы: западное влияние в синтаксисе несомненно, но оно не объясняет процесса в целом и не исключает определенной преемственности по отношению к книжному языку предшествующих эпох. Книга Г. Хютль-Фольтер не позволяет восстановить картину этого развития во всех деталях, да автор и не ставил перед собой такой задачи. Однако трудно переоценить тот вклад в решение этой проблемы, который она вносит. Раньше, обсуждая эту проблематику, мы имели дело с двумя неизвестными – начальным этапом формирования русского литературного языка нового типа и книжной традицией средневековья. Это, естественно, сказывалось на качестве и достоверности общих построений. Теперь одна из лакун в значительной степени заполнена и, как мы видели, трудности в построении общей картины оказываются обусловленными отсутствием таких синтаксических исследований текстов XVII в., которые по тщательности и полноте могли бы сравниться с рассматриваемой книгой. Монография Г. Хютль-Фольтер безусловно останется в науке как важнейший источник сведений о синтаксисе русского языка первой половины XVIII в. и послужит, надо надеяться, ценнейшим материалом для построения русского исторического синтаксиса на новых и достоверных основаниях.

³Сделаю еще одно частное замечание о деепричастных конструкциях. Анализируя обороты с деепричастиями сов. вида на *-я(-а)*, Г. Хютль-Фольтер ссылается на наблюдение Р.О. Якобсона, согласно которому перфектное деепричастие на *-я(-а)* обозначает действие, непосредственно предшествующее основному, и по этому признаку противопоставит перфектному деепричастию на *-в*. Если в контексте *прочитав* (или *прочтя*) книгу, он задумался эти формы взаимозаменяемы, то в контексте *прочитав книгу, он впоследствии часто говорил о ней* замена *прочитав* на *прочтя* невозможна – именно в силу отсутствия непосредственного следования [Jakobson 1957: 8]. Насколько последовательно проводится эта дифференциация в современном русском употреблении, трудно сказать. Г. Хютль-Фольтер предполагает, основываясь на двух примерах, что такая же дифференциация имела место и у Кантемира (с. 237–238). Такая интерпретация вряд ли правомерна. Для форм деепричастия в этот период характерна широкая вариабельность, не упорядоченная грамматической традицией, дифференциация этих форм явно не имеет еще общепринятого характера, и нет достаточных оснований думать, что Кантемир избирает тот способ различения форм на *-я(-а)* и на *-в(-вши)*, который утвердился в литературном языке в позднейшее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вьюкова М.Н.* 1957 – Относительные предложения с союзным словом "который" в литературном языке 18 века // Уч. зап. Томского гос. ун-та им. В.В. Куйбышева. № 30. 1957.
- Живов В.М.* 1995 – Usus scribendi. Простые претериты у летописца-самоучки // R Ling. 1995. V. 19. № 1.
- Живов В.М.* 1996 – Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Ковтунова И.И.* 1964 – Изменения в системе осложненного предложения // Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века]. М., 1964.
- Лызлов А.* 1990 – Скифская история / Подготовка текста, комментарий и аннотированный список имен А.П. Богданова. М., 1990.
- Троицкий В.И.* 1968 – Относительное подчинение в языке русской письменности XVI–XVII веков. Казань, 1968.
- Черкасова Е.Т.* 1972 – К вопросу о самобытности синтаксического строения русского языка // ВЯ. 1972. № 5.
- Хюль-Фольтер Г.* 1987 – Языковая ситуация петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Bd. 33. 1987.
- Широкова Н.А.* 1966 – Из истории союзных конструкций, выражающих отношения сравнения. Казань, 1966.
- Bermel N.* 1995 – Aspect and the shape of action in Old Russian // R Ling. 1995. V. 19. № 3.
- Hüttl-Worth G.* 1978 – Zum Primat der Syntax bei historischen Untersuchungen des Russischen // Studia linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a collegis amicisque oblata. Lisse, 1978.
- Issatschenko A.* 1974 – Vorgeschichte und Entstehung der modernen russischen Literatursprache // ZSIPh. 1974. Bd. 37. Hf. 2.
- Jakobson R.* 1957 – Shifters, verbal categories, and the Russian verb. Harvard University, 1957.
- Kosta P.* 1982 – Eine russische Kosmographie aus dem 17. Jahrhundert. Sprachwissenschaftliche Analyse mit Textedition und Faksimile // Specimina philologiae slavicae, Bd. 40. München.
- Rappaport G.C.* 1984 – Grammatical function and syntactic structure. The adverbial participle of Russian / UCLA Slavic Studies. V. 9. Columbus. 1984.
- Worth D.* 1994 – The dative absolute in the "Primary Chronicle": some observations // Harvard Ukrainian studies. 1994. V. XVIII. № 1/2.